

**ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ ОТПУСКА КРЕСТЬЯН ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ
ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОТ
КАК ФОРМА ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ
ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В 1920-е гг.**

Д. В. Ливенцев

Воронежский институт Федеральной службы исполнения наказаний

Поступила в редакцию 15 января 2019 г.

Аннотация: раскрывается законодательная регламентация по организации отпуска заключенных крестьян с целью осуществления ими сельскохозяйственных работ. Автор приводит материалы из фондов Государственного архива Российской Федерации, из редких журнальных и газетных изданий фондов Российской государственной библиотеки и Российской национальной библиотеки, отражающие данное мероприятие, проводимое в местах заключения.

Ключевые слова: многодетные крестьяне, сельскохозяйственные работы, исправительная система, прокуратура, списки заключенных, сельское общество, либерализация, экономическое положение, Гражданская война, Наркомат юстиции, Наркомат внутренних дел, Всероссийский центральный исполнительный комитет.

Abstract: legislative regulation is revealed on the organization of «holiday» of prisoners of peasants for the purpose of implementation of agricultural works by them are revealed. The author cites the materials of the state Archive of the Russian Federation and rare editions from the journal and newspaper collections of the Russian state library and the Russian national library, reflecting the event held in places of detention.

Key words: large farmers, agricultural work, correctional system, Prosecutor's office, lists of prisoners, rural society, liberalization, economic situation, Civil war, people's Commissariat of justice, people's Commissariat of internal Affairs, all-Russian Central Executive Committee.

В 1920-е гг. в советской исправительной системе практиковалось уникальное явление отпуска заключенных крестьян для выполнения сезонных сельскохозяйственных работ. Подобное мероприятие проводилось из пропагандистских соображений, так как представляло советскую исправительную систему в выгодном свете перед западными государствами. В то же время отпуск заключенных крестьян для проведения сезонных полевых работ имел значение для сельского хозяйства, находившегося в закономерном экономическом упадке после общенационального кризиса начала XX в.

Основы данного правового явления были законодательно регламентированы Декретом Всероссийского центрального исполнительного комитета от 21 апреля 1925 г. «О предоставлении отпусков из мест за-

ключений на полевые работы заключенным крестьянам»¹. Упомянутый декрет проводил в жизнь ст. 143 и 159 «Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г.»².

Позднее в ряде специальных циркуляров Наркомат внутренних дел установил срок отпуска заключенных крестьян для осуществления сельскохозяйственных работ не более чем на три месяца и определил категории преступлений, на которые подобная льгота не распространялась³. В числе преступлений, оговоренных главным управлением НКВД в марте 1927 г. в качестве препятствующих отпуску крестьянина для сельскохозяйственных работ назывались бандитизм, конокрадство и грабеж. Интересно, что время вышеназванных сезонных сельскохозяйственных работ засчитывалось «отпускнику» в отбытие срока. Правда, для этого он должен был не совершить за время отпуска других уголовных проступков и представить справку от сельского общества о положительных результатах собственной трудовой деятельности.

Главным аргументом при предоставлении отпуска служила установка о неосознанности крестьянина, совершившего уголовный проступок; подчеркивалось, что часто его толкали на преступление объективные причины: экономические и социальные обстоятельства в условиях Гражданской войны. Временно освобождаемый крестьянин с точки зрения новой советской идеологии представлялся как жертва царского режима, а следовательно, ему было необходимо трудовое перевоспитание. Еще одной причиной служило желание новой власти произвести позитивное впечатление на односельчан «отпускника». Решающее значение также имели сведения о многодетности семьи заключенного крестьянина, т. е. отпуск для сезонных хозяйственных работ давался ему для того, чтобы прокормить родных и спасти их от голода⁴.

Обязательным условием было принятие преступника его сельским обществом, чтобы временное освобождение не являлось причиной социальной напряженности в крестьянской среде. Опять же сам отпуск предоставлялся только после поступления запроса от местного сельского совета или общества, ходатайствовавшего за крестьянина перед правоохранительными органами. При нарушении правовой процедуры для

Д. В. Ливенцев. Правовое явление отпуска крестьян из заключения...

¹ См.: О предоставлении отпусков из мест заключений на полевые работы заключенным крестьянам // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959 гг.). М., 1959. С. 111.

² См.: Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). М., 1953. С. 199–211.

³ См.: Сборник основных приказов, циркуляров и инструкций Народного комиссариата юстиции и Народного комиссариата внутренних дел РСФСР за 1918–1928 гг. о деятельности мест лишения свободы. М., 1959.

⁴ См.: Бродский Н. А. Об отпусках заключенных : (в порядке предложения) // Допровский работник : двухнедельная газета Управления исправительно-трудовых учреждений УССР. 1928. № 5. С. 1.

местных сельских руководителей предусматривалась дисциплинарная и административная ответственность.

Конечно же, советская власть эффективно использовала отпуск заключенных крестьян для проведения сезонных сельскохозяйственных работ в своих пропагандистских целях. Вот что писала газета «Правда» 30 мая 1925 г.: «...В то время как многие европейские ученые глубоко-мысленно исследуют вопрос, в каких случаях можно от строго одиночного заключения перейти к общему, когда в Америке заняты изучением вопроса о наиболее безболезненных методах применения смертной казни, у нас, несмотря на столь усиленно приписываемые нам ужасы и варварские методы тюремной политики, ее развитие идет по совершенно иному пути, по пути все большего превращения места заключения или в исправительное учреждение, или в фабрику, или в сельскохозяйственную колонию с наименьшим подчеркиванием всех атрибутов тюрьмы.

...Одним из главных, несомненно, самых ценных завоеваний советского уголовного права, в частности нашей исправительно-трудовой системы, и является «право заключенных на отпуск», которое следует закрепить в нашей дальнейшей практике»⁵.

В статье отмечался международный резонанс отпуска из мест заключения крестьян для проведения сезонных полевых работ как правового явления: «...Место заключения, «тюрьма» и отпуск — это сопоставление вообще кажется совершенно непонятным с точки зрения карательных систем современных государств.

Многочисленных иностранцев, побывавших в наших местах заключения, больше всего поражала эта особенность нашей исправительной политики. Они не верили, что человек из тюрьмы может вернуться к своим, в домашнюю обстановку на законном основании, пробыть там назначенный ему срок и затем добровольно возвратиться на место заключения. Однако им пришлось убедиться, что это подлинный факт, имеющий, как общее правило, место в нашем исправительно-трудовом законодательстве и широко применяемый на практике»⁶.

Далее автор статьи в газете «Правда» подчеркивает политическую и экономическую значимость отпуска заключенных крестьян для проведения сезонных полевых работ: «...Помимо чисто практического значения для поднятия крестьянских хозяйств, оставшихся без рабочих рук, помимо политического значения этой льготы, применяемой к тем из трудящихся крестьян, которые по нужде, неосознанности или случайно совершили преступления или проступки — эта мера для нас важна именно в смысле закрепления и дальнейшего проведения той общей реформы тюремного дела, которая начата в СССР.

... Покончить раз и навсегда со взглядом на «арестанта как на отверженного», пробить брешь в «мертвый дом», не приходиться в ужас от того,

⁵ *Ширвиндт Е.* Отпуска заключенным крестьянам // Правда.1925. 30 мая. С. 2–3.

⁶ Там же. С. 2.

что, как бы из потустороннего мира, заключенный может до отбытия назначенного ему срока побывать среди близких, – на такие истинно революционные для всякого «тюрьмоведа» мероприятия могла решиться только советская власть, которая подошла к этому вопросу только с точки зрения целесообразности, без всякого преклонения перед фетишами и азбучными истинами современной буржуазной науки уголовного права и тюремоведения»⁷.

В контексте пропаганды для западной аудитории уникального пути организации советских мест заключения статья в газете «Правда» от 30 мая 1925 г. полностью логична и аргументированна. Однако на практике гуманный отпуск крестьян из мест заключения для проведения сезонных сельскохозяйственных работ проходил далеко не так благополучно, как планировалось советскими правоохранительными органами. Уже в 1927 г. Н. Лаговьер публикует статью в журнале «Еженедельник советской юстиции», где указывает, что часто отпуск предоставляется заключенным, относящимся к рецидивистам, отправлявшимся не на сельскохозяйственные работы, а в крупные города для продолжения бандитского промысла: «...Переводя на более прозаический язык, немалая толика профессиональных конокрадов, бандитов и т. п. преступных элементов получила возможность использовать отпуск на полевые работы не для полевых работ, а для продолжения своей «плодотворной» деятельности, для совершения ряда краж, убийств и грабежей»⁸.

Н. Лаговьер предостерегал от явных перегибов в практике временного освобождения заключенных крестьян для сезонных сельскохозяйственных работ: «...Стоящая на очереди кампания по предоставлению длительных отпусков в период полевых работ заключенным крестьянам требует к себе усиленного внимания как со стороны распределительных комиссий, так и со стороны прокурорского надзора. Задача в том, чтобы в предстоящей кампании не повторить тех ошибок, с какими приходилось сталкиваться в предыдущие кампании. Против этих ошибок необходимо решительно предостеречь»⁹.

Собственно, статья Н. Лаговьера явилась закономерной критикой заранее спланированного официальной идеологией отношения к предоставлению отпуска заключенным крестьянам для проведения сезонных сельскохозяйственных работ со стороны другого автора В. Якубсона, опубликовавшего по данному поводу в журнале «Административный вестник» № 4 за 1927 г. излишне восторженную статью «Отпуска заключенным на полевые работы»: «...Близится весна. Вместе с поднимающимся солнцем и просыпающейся природой живее начинает шевелиться и крестьянское хозяйство, полевые работы на носу, и горе тому двору, который останется неподготовленным к встрече этой долгожданной гостьи. Поэто-

⁷ Ширвиндт Е. Указ. соч. С. 3.

⁸ Лаговьер Н. Практика отпусков заключенных на полевые работы // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 24. С. 734.

⁹ Там же. С. 735.

му осознавший это чуть ли не с самого раннего детства крестьянин, где бы он ни был, в каком бы состоянии или положении он ни находился, особенно чутко воспринимает звуки нарастающей весны. Но особенно тревожно переживает эту пору крестьянин в заключении. Силой сложившихся обстоятельств он оторван от своей семьи и своего хозяйства; лишенный свободы, он не может откликнуться на зов весны, не может сам, по своему желанию, выйти в поле, чтобы развязать дремлющие силы земли; находясь в заключении и занятый принудительным трудом, он не может по собственному выбору приложить свое время и труд к своей пашне, своему полю, своему лугу. И томится он за себя, оторванного от привычного труда, за семью, лишенную работника своего, за гибнущее хозяйство, которое осталось без руководителя. Лишение свободы крестьянина как нельзя лучше показывает, насколько уголовная репрессия ударяет не только по субъекту преступления, но и по связанным с ним лицам, не имеющим никакого отношения к преступному деянию»¹⁰.

Отдавая должное лирическому, можно сказать поэтическому, дару автора статьи, Н. Лаговьер приводит статистику, связанную с отпуском заключенных крестьян на сезонные полевые работы, которая выглядит весьма убедительно. Среди фигурантов удовлетворенных ходатайств о предоставлении отпуска на полевые работы в 1925–1926 гг. присутствовала внушительная группа крестьян-заключенных, обвиняемых в серьезных преступлениях:

- 1) осужденных за убийство – 66,7 % (1925 г.) и 44,4 % (1926 г.);
- 2) осужденных за преступления против личности – 71,6 % (1925 г.) и 51,1 % (1926 г.);
- 3) осужденных за конокрадство – 38,7 % (1925 г.) и 16,1 % (1926 г.);
- 4) осужденных за разбой и грабеж – 32,7 % (1925 г.) и 17,51 % (1926 г.);
- 5) осужденных за растрату имущества и присвоение социалистической собственности 47,8 % (1925 г.) и 23,9 % (1926 г.)¹¹.

В. Якубсон рассматривал статистику по исследуемой проблеме как в целом положительное явление: «...Приведенные цифры как нельзя лучше демонстрируют жизненность и эластичность деятельности распределительных комиссий: достаточно направляющих директив руководящих органов, достаточно измениться в том или ином смысле уголовной политике и распределительные комиссии сразу меняют свой курс, беря его в должном для данного момента направлении»¹². На самом деле, в повседневной деятельности распределительных комиссий, от которых зависело предоставление отпуска заключенному крестьянину для проведения сезонных полевых работ, существовала масса нарушений. Материалы Государственного архива Российской Федерации за 1928 г. свидетельствуют о том, что речь при предоставлении отпуска для заключенных

¹⁰ Якубсон В. Отпуска заключенным на полевые работы // Административный вестник. 1927. № 4. С. 7.

¹¹ Лаговьер Н. Указ. соч. С. 736.

¹² Якубсон В. Указ. соч. С. 8.

крестьян не всегда шла о несерьезных преступлениях. Так, в 1928 г. для сезонных сельскохозяйственных работ были отпущены заключенные, совершившие следующие правонарушения:

- 1) контрреволюционная деятельность – 74 заключенных (179 прошений);
- 2) уголовные преступления – 989 заключенных (1043 прошений);
- 3) взяточники и провокаторы взяток – 192 заключенных (228 прошений);
- 4) растрата имущества и присвоение социалистической собственности – 641 заключенный (2002 прошения);
- 5) прочие должностные преступления – 531 заключенный (581 прошение);
- 6) убийство – 1601 заключенный (2011 прошений)¹³.

Получается, что более всего администрация исправительных учреждений опасалась давать отпуска заключенным крестьянам, замешанным в контрреволюционной деятельности, в то время как обвинение в других видах тяжких преступлений не создавало препятствий для предоставления такого отпуска.

Надо сказать, что отпуск подобных «крестьян» нередко вызывал нарекания со стороны самих сельских обществ. Особенно удивляло уже упомянутого Н. Лаговьера решение об отпуске на сельскохозяйственные работы самой презируемой сельским обществом категории преступников – конокрадов. Возврат их в свою среду односельчане не могли одобрить в принципе, не говоря о том, что конокрад вполне мог вернуться к своему преступному промыслу¹⁴. Хотя, если сравнить статистические данные 1925 и 1926 гг., видна тенденция к снижению количества отпусков крестьян-конокрадов из исправительных учреждений. Вероятно, сами конокрады тоже не всегда стремились оказаться среди своих бывших односельчан.

Несоблюдение правил отпуска заключенных крестьян для сезонных сельскохозяйственных работ вызывало понятное беспокойство центральных и местных органов власти. Н. Лаговьер напрямую указывал на то, что отпуск заключенных крестьян производится распределительными комиссиями с серьезными нарушениями совместного циркуляра Наркомата юстиции и Наркомата внутренних дел от 15 апреля 1927 г. № 71/151. Причем данные нарушения носили систематический характер и продолжались третью подряд «отпускную» кампанию¹⁵.

8 июня 1928 г. ВЦИК указал на несогласованность действий Наркомата внутренних дел и Наркомата юстиции в деле отпуска крестьян из заключения для осуществления сезонных сельскохозяйственных работ¹⁶.

¹³ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.Р. 1235. Оп. 140. Д. 127. Л. 11–12.

¹⁴ См.: Лаговьер Н. Указ. соч. С. 735.

¹⁵ См.: Там же. С. 736.

¹⁶ См.: ГА РФ. Ф.Р. 1235. Оп. 140. Д. 127. Л. 1.

Данное замечание было сделано в связи с просьбой НКВД отменить отпуска для заключенных крестьян. При этом ВЦИК отметил, что «...ходатайство НИКВД об отмене циркуляра НКЮ об отпуске заключенных крестьян на сельскохозяйственные работы не подлежит исполнению по следующим причинам:

1) циркуляр НКЮ был издан в развитие постановления от 12 мая того года «О предоставлении отпусков из мест заключения на сельскохозяйственные работы заключенным крестьянам», что входит в его компетенцию;

2) вопрос об отмене этого циркуляра не имеет сейчас смысла, так как кампания по предоставлению отпусков началась с сентября прошлого года»¹⁷.

Кроме того, явно не собираясь отменять практику отпуска заключенных крестьян для проведения сезонных сельскохозяйственных работ, ВЦИК снова обозначил критерии для предоставления данного отпуска:

1) отсутствие тяжкой уголовной статьи;

2) отсутствие попыток побега и других нарушений внутреннего режима;

3) многочисленная семья;

4) принадлежность к трудоспособному населению данной территории¹⁸.

Однако, как видно из вышеприведенной статистики, обязательные требования ВЦИК не соблюдались при предоставлении отпуска заключенным крестьянам для проведения сезонных полевых работ. Причем устоявшаяся в местах заключения практика касалась не только крестьян-заключенных с тяжкими уголовными статьями, с достаточно большой долей вероятности можно предположить, что среди временно освобождаемых присутствовала значительная доля людей, совершивших попытки побега и другие серьезные нарушения внутреннего распорядка советских исправительных учреждений.

В свою очередь, для начальников мест заключения Смоленской губернии еще в 1926 г. вышла специальная инструкция по проверке данных сельских обществ, касающихся многодетности заключенных крестьян, отправлявшихся в отпуск. Дело в том, что часто сельские советы для собственных производственных целей вносили в списки заключенных, не относящихся к многодетным семьям¹⁹. Отсюда и указание ВЦИК об обязательности многочисленности семьи заключенного крестьянина, временно освобождаемого для проведения сезонных полевых работ, постоянно игнорировалось в практике деятельности советских исправительных

¹⁷ ГА РФ. Ф.Р. 1235. Оп. 140. Д. 127. Л. 2–3.

¹⁸ Там же. Л. 7.

¹⁹ Всем начальникам мест заключения Смоленской губернии и прокурору Смоленской губернии, смоленскому изолятору // Наша жизнь : ежемесячная газета учебно-просветительской части и культурно-просветительской комиссии заключенных Смоленского губернского изолятора. 1926. № 11. С. 2–6.

учреждений. Единственным не нарушаемым пунктом требований ВЦИК оставалась только принадлежность к трудоспособному сельскохозяйственному населению данной территории.

Несмотря на существующие недостатки, та же газета «Правда» позиционировала отпуск заключенных крестьян для проведения сезонных сельскохозяйственных работ исключительно в позитивном свете: «...Случаев невозвращения в место заключения отпускаемых крестьян почти не наблюдалось. А воспитательное значение, поощрительный характер отпусков для заключенных не нуждаются в доказательствах.

Крестьяне, получающие эту льготу, воочию видят, что даже по отношению к тем, кто пошел против порядка, установленного в интересах общества трудящихся, если есть налицо смягчающие вину обстоятельства, если есть уверенность в том, что преступления совершены не профессионалами, а совершены, хотя бы не впервые, но в силу тяжело сложившихся обстоятельств, по неосознанности и т. д., советская власть подает им руку помощи, облегчает им положение»²⁰.

В итоге повседневная практика отпуска заключенных крестьян на сезонные полевые работы не обходилась без организационных недостатков со стороны администрации советских мест заключения. Речь идет об уже неоднократно упоминавшихся отступлениях от инструкций НКЮ и НКВД.

В результате отпуск крестьян-заключенных на сезонные полевые работы в 1920-е гг. стал довольно популярной пропагандистской акцией советской власти. Подобное мероприятие в выгодном свете представляло Советское государство на международной арене. Оно демонстрировало прогрессивность советской исправительной системы перед мировым сообществом. Более того, отпуска для заключенных крестьян олицетворяли лояльное отношение правительства к основному населению страны – крестьянству.

Имел такой отпуск и экономическое значение: сельское хозяйство находилось в упадке после событий Первой мировой и Гражданской войн, а потому отпуск заключенного крестьянина для осуществления сезонных полевых работ часто был вопросом выживания для многодетной сельской семьи.

Проблема состояла в реализации самой процедуры отпуска заключенных крестьян. Во-первых, сельские сходы включали в списки временно освобождаемых не только членов многодетных семей. Подобные действия объяснялись просто: лишние руки во время уборки урожая были необходимы любому селу. Во-вторых, из-за их перегруженности контингентом заключенных из исправительных учреждений в нарушение инструкций НКВД и НКЮ для проведения сезонных полевых работ освобождали заключенных крестьян, совершивших серьезные преступления. Администрация советских мест заключения временно возвращала в сельские общества даже такую категорию правонарушителей, как конокрады, что

²⁰ Ширвиндт Е. Указ. соч. С. 3.

усиливало вероятность роста социальной напряженности. В-третьих, многие из заключенных крестьян, особенно осужденных за тяжкие преступления, использовали отпуск для возврата к преступному промыслу.

*Воронежский институт Федеральной
службы исполнения наказаний*

*Ливенцев Д. В., доктор историче-
ских наук, профессор кафедры теории и
истории государства и права
E-mail liva2006@yandex.ru*

*Voronezh Institute of Federal Service Exe-
cution of Punishment*

*Liventsev D. V., Doctor of Historical Sci-
ences, Professor of the Theory and History
of State and Law Department
E-mail liva2006@yandex.ru*